

Наш человек Юрий Любимов

У знаменитого артиста и режиссера - даниловские корни. Их, правда, местная власть обрубил в 1930-м году

НАТАЛЬЯ Васильевна Малятина в сентябре отметит свое 90-летие. Руки у нее крепкие, глаза зоркие, уши чуткие, память цепкая, ум ясный. Ноги вот подводят - через скакалку прыгать отказываются... Но мы и не прыгаем, а сидим с ней за уютным столом, пьем чай, беседуем.

- Помню, году в 50-м, - говорит она, - посмотрела я фильм "Кубанские казаки" и говорю мужу: глянь-ка, вон того колхозного парня играет кто-то знакомый, не узнаешь?.. На афише нашла фамилию - Юрий Любимов. Значит, точно, - из наших, из абрамовских Любимовых!.. Пошел в кино приятель мужа - родом деревенский - и тоже подтвердил: наш Любимов, из Абрамова. Их породу с другой не спутаешь...



Абрамово - кто не знает - это была небольшая деревня у Романовской дороги, километрах в десяти от города. Да-да - была, а сейчас там пустырь. В одном из домов располагался Абрамовский сельсовет. Так что место бойкое, проходное. Вот Наталья Васильевна (родом из соседнего Молчанова) говорит, что девчонками они бегали в сельсовет слушать... кукушку - часы там такие были, с "ку-ку". Двухэтажный дом Любимовых - крепкой большой семьи, - в 20-х годах тоже все знали. Летом населения в нем прибывало: наезжали родственники с детьми.

- Так что же вы, Наталья Васильевна, столько лет молчали? - обращаюсь я не без укоризны к моей собеседнице.

- Нет, не молчала - мы дома поговорили, со знакомыми обсудили. Мы всегда знали, что Любимов - это наш парень, абрамовский, следили за его приключениями...

Кто-то, быть может, 90-летней Малятиной не поверит, но только не я. Открываю срочно раздобытую (пропустил в свое время, каюсь) книжку воспоминаний Юрия Петровича Любимова под ироничным названием "Рассказы старого трепача" и выписываю абзацами - всё про Абрамово и про абрамовскую жизнь:

«Дед и бабка были крепостными. Когда отменили крепостное право в 1861-м году, они очень рано женились, и он очень умело вел хозяйство - по-советски, наверно, "кулак" назывался. Крестьянин. Он был грамотный, очень верующий, был церковным старостой, пользовался большим уважением в деревне. У него был великолепный сад, его руками сделанный. Дом стоял - хороший сруб в два этажа, крытая железом крыша, хорошо покрашенная. Мы любили по ней бегать, а дед гонял.

Дед жил в деревне Абрамово, а я родился в Ярославле 30 сентября 1917 года - за несколько дней до революции все-таки я успел проскочить. Вера, Надежда, Любовь, мать их Софья и я... С пяти лет моя семья переехала в Москву.

Отец потом привозил нас к деду... Дед оставался главой семьи. Все садились за стол, и только с разрешения деда, после молитвы, все начинали есть. И отец деда всегда называл на "вы", так же как я отца всю жизнь: "папа, вы".

Видимо, это было несколько лет - в деревню мы приезжали на лето. Сперва я помню, мы с братом приезжали, значит, еще Наташи (сестры - Р. А.) не было, а потом мы втроем приезжали. Значит, это несколько раз было. И в ночное лошадей там гоняли, и на сеновале прыгали и спали. И помню еще всякие эпизоды такие - как двоюродные братья мои, здоровеннейшие - род был сильный - они, если выпивали, то жеребца - рыжий жеребец был прекрасный, звали его Барон - они подлезали под него и таскали, кто дальше пронесет, сколько шагов. Такие развлечения. В городки они очень любили играть - с коваными битами - одной битой вышибали фигуры. Лихо играли, деревня на деревню. Ну, потом, конечно, и страшные драки я видел, деревня на деревню.

Мне врезались какие-то черты детства. Например, когда я прыгнул со стола. Дед сказал:

- Выгони корову из сада, - а я на столе танцевал... И я прыгнул и попал на осколки стекла керосиновой лампы, и она у меня вся в пятку вошла. Ну, и мама стала кричать:

- Господи!.. Скорей врача!

Дед ей сказал:

- Замолчать!

Мне дал хорошую подзатрещину, положил на колено, вынул перочинный нож, прокалил его на спичках, вытер и потом начал выковыривать все стекла из пятки. Я стал орать, он мне изредка давал подзатыльник, чтоб я прекращал орать.

Он все выковырял, посмотрел, что нет там стекол больше, залил йодом, перевязал ногу, отнес в сад и сказал двоюродной сестре:

- Сорви ему яблоко и ягод.

У него были прекрасные яблоки - антоновка, черная смородина, малина, - замечательный сад. И мне врезалось, что дед разрешил, а двоюродная сестра сразу стала воровать: набирать за пазуху яблок - и я это помню. Потому что мне было больно, и все-таки я ей говорил:

- Как тебе не стыдно, Прашка? Дед тебе разрешил взять яблоко, а ты воруешь и столько набрала яблок!

Это вот какие-то первые понятия, что плохо, что хорошо, что нельзя врать. Как можно не слушать деда! Видите, это врезается на всю жизнь.

И также он плавать меня учил. Взял в охапку и бросил в пруд - там карасей мы ловили - и я выплывал. Я выплыл с трудом - ну так, по-лягушачьи, он опять меня бросил. Таким образом я стал плавать.

Он замечательно собирал грибы, он их фантастически находил. Я смотрел за ним, и он меня научил, как собирать грибы. И когда он был уже не в себе, гонял меня:

- Уйди, чего ты за мной все ходишь.

А я боялся его одного оставлять. Я отбегал, а потом опять приходил, чтобы отвести его домой.

Дед носил окладистую бороду, имел иконописное лицо и мне всегда напоминал Николая Чудотворца".

Извини, читатель, за столь длинные цитаты из книги. Но ведь это впервые о наших краях - впервые от Юрия Петровича Любимова, народного артиста России, основателя и художественного руководителя легендарного московского Театра драмы и комедии на Таганке... Вот еще абзац - по смыслу трагедийный:

"Я хорошо помню трагическую участь деда, как его глубоким стариком выгнали из дома, и он ничего не понял, он думал, что это просто хулиганье, бандиты при-шли его грабить. Он был сильный старик, стал их прогонять из своего дома, взял коромысло, ему было восемьдесят шесть лет. Они его выкинули на снег; и с ним был insult. С трудом его все-таки родственники отходили, посадили в поезд, и он приехал с бабушкой в Москву. Отец в это время сидел, и встречал деда на вокзале я, мальчишкой совсем. Сколько мне было? Лет 11 - коллективизация начиналась... И я помогал носить вещи деду, он плохо ходил после удара, рука не работала, и я до сих пор помню, как за то, что я ему помог перетаскать на третий этаж все их нехитрые пожитки, он дал мне большой серебряный рубль. Я был удивлен и пролепетал:

- Что вы, дедушка!

Дед наставительно произнес:

- За всякий труд надо платить. Вот они не платят, и ничего у них не получится. Запомни, внучек".

Рассказ этот подтверждается документом, который воспроизведен в книге, - копия "ЛИЧНОЙ КАРТОЧКИ на хозяйство гр-на Любимова Захара Петровича - округа Ярославского, района Даниловского, селения Абрамово (Абрамовский сельсовет), - подлежащего выселению в порядке раскулачивания". В "личной карточке" немало граф. В одной помечен возраст выселенца - 86 лет, в другой поименована его жена - Любимова Агафья Никифоровна, 84 года. Странно, что на пространстве одной страницы "гр-на Любимова", некогда крепостного, называют то кулаком, то купцом, то торговцем, а то и помещиком. Причины раскулачивания: "Бывший помещик, имевший 200 десятин земли, бывший купец, имевший рыбную торговлю в гор. Ярославле и в деревне, лишенный избирательных прав, до революции в Ярославле имел 2 дома, в д. Абрамово имел маслодельный завод, до революции в д. Абрамово в поместье и маслодельном заводе имел постоянных 15 человек и поденных от 20 до 30 человек". (Надо же! - воскликну я в скобках. - Сколько рабочих мест обеспечивал один дед-Любимов в маленькой деревне Абрамово, где сегодня - ни кола, ни двора и ни души! А масло?! Доподлинно знаю, что маслом с соседнего Тороповского маслодельного завода до революции торговали в Париже. И Любимов, буду думать, в грязь лицом не ударял - марку держал).

В последней графе "личной карточки" - место для резолюции: "Бедняцкое собрание постановило (ох, знаем мы теперь, как такие собрания созывались, знаем, откуда и кто диктовал им тексты резолюций!) как лишенца, как бывшего купца, имевшего торговлю в г. Ярославле и в деревне, выселить с конфискацией всего имущества". Тут же дата - 9 февраля 1930 года. А ниже приводится решение президиума райисполкома, узаконившего постановление Абрамовского сельсовета. Только вот строчка о конфискации более конкретна: "конфисковать дом, постройки, средства и орудия производства". Есть и подпись - непонятно: не то председателя, не то секретаря РИКа (Даниловского). Подпись, конечно, неразборчива. Но две-три буквы угадываются: имя начинается на "Д", фамилия, похоже, - на "Се...". Впрочем, надо ли открывать "охоту на ведьм"?.



Улица Урицкого, 45-А. Дом Захара Петровича Любимова, деда Ю. П. Любимова.

САМОЕ удивительное в этой истории то, что двухэтажный дом, построенный и обжитый дедом Юрия Петровича Любимова, дом, в котором под крылом деда проходило детство Артиста, сохранился, хотя, как я уже говорил, от деревни Абрамово осталось ныне пустое место. Стоит этот родовой любимовский дом в стольном нашем граде Данилове, на - ирония судьбы! - улице, названной в честь председателя Петроградского ЧК, одного из организаторов "красного террора", Моисея Урицкого, - № 45 А, - и исправно несет свою домовую службу, то бишь дает кров даниловским жителям, знать не знающим, чьи стены стали для них родными (долгожители, правда,

помнят, что "перевезен дом из какой-то деревни").

Дом этот опознала все та же Наталья Васильевна Малятина. Бывала она в нем и во времена Любимовых - со сверстниками-детьками играла, бывала в магазине, пристроенном сбоку, заходила и после, когда дом отдали не то под клуб, не то под "красный уголок" - собрания там разные шли, иной раз кино крутили, а однажды, помнит, в самой большой комнате наверху состоялось заседание выездного суда - судили местного убийцу, дали ему восемь лет...

Прошелся я недавно вокруг да около, заглянул внутрь. Ну, чего хотите - коммуналка! Крылечко явно чужеродное, позднее, наличники давным-давно ободраны, железо с крыши - кто скажет, когда испарилось? Да и шифер требует вычинки. Единственная воротина, покосившись, висит на одной петле... Но домина-то каков! Огромный! Пятистенок! Как размахнулся дед-то, Захар Петрович! И детям и внукам, думал, хватит - и век, и другой такой дом простоит! Я стукнул в коридоре по толстому бревну цвета янтаря - зазвенело оно, как молодое! Где дед такой лес валил? Как бревно к бревну подбирал?! Что за славных мастеров нашел!

Всё о даниловских домах знает местное БТИ. Всё да не всё! По их бумагам, появился этот дом в Данилове в 1937 (зловещем!) году, но "документами не подтвержден", то есть, говоря просто, "свидетельства о рождении" не имеет - сирота, подкидыш, не понятно, откуда взялся. Изначально владело домом РАЙПО. Оно-то, судя по всему, подсмотрело в Абрамово полупустующее строение и - конечно же, с разрешения РИКа (райисполкома), перевезло его в город. И не принято было тогда "подтверждать документами", у кого дом отобран и на каком основании. Долгие годы потом жили там работники потребительской кооперации. По старым данным БТИ, в доме - 277,5 кв. метра общей площади, 8 комнат (4 внизу и 4 вверху), крыша, покрытая железом, печное отопление...

ЧЕСТНО скажу, приехав в Москву, я не без волнения набирал номер Юрия Петровича Любимова. Надо бы, конечно, спросить, почему все эти годы он так и не собрался приехать на родину деда, в памятные места своего ягодно-грибного детства. А впрочем, зачем спрашивать - можно догадаться, что он ответит. Когда твоих престарелых деда и бабу вышвырнули из собственного дома на снег, отобрали и дом, и всё-всё-всё, когда лишили прав и велели Любимовым убираться, куда глаза глядят, - зачем, к кому возвращаться?!

Неловко вроде и приглашать человека в гости - приезжайте, мол, тут теперь вам будут рады, хотя тогда и отобрали, выгнали... Другие времена, другие нравы на дворе, но ведь никто из власть имущих даже речи не заводит о том, чтобы, к примеру, вернуть отнятое, возместить материальный ущерб и моральный вред, никто не скажет - честно, открыто, искренне - тому же Юрию Петровичу Любимову: "Прости!"

Знает ли он о дедовском доме, о том, что дом жив, хотя и изрядно переделан? Может, это станет для него приятной новостью? Может, ностальгия возьмет свое и пообещает Юрий Петрович по веселому июню-июлю заглянуть в Данилов, - может, найдет на каком-нибудь известном ему одном косяке зарубку, отметившую рост мальчишки в 10 лет... Но волновался я зря. Едва узнали и Юрий Петрович, и его супруга Каталина (служащая сегодня настоящим ангелом-хранителем Театра) о том, что везу фотоснимки дедова дома, передо мной открылся зеленый свет.

Целых два часа толковали мы с ними "за жизнь", несмотря на то, что сейчас здесь всё расписано по минутам, ведь 23 апреля - день рождения Театра на Таганке (44 года), и к нему готовится премьера - "Замок", по роману Франца Кафки. При случае расскажу подробно о наших разговорах, но вот - главное.

- Дом деда?!.. А мне говорили, что его давно нет на свете!.. Дайте, дайте!.. - Юрий Петрович берет фотографии, внимательно вглядывается. - Ох, сразу-то и не узнаешь... Да как же его переделали! Крыша была другая... Здесь тесом обшит, а я помню толстые круглые бревна. Хотя смотрите - пятистенки! Ну, крыльцо тут смешное, у деда было красивое, большое крыльцо, наличники на окнах красивые. И видите? - дом обращен на улицу боком, а в деревне он стоял по-другому: парадным фасадом служил теперешний бок... Надо-надо бы самому посмотреть, зайти в дом... А ведь похож...

От снимков взволнованный Юрий Петрович переходит к чтению - я расшифровал нашу магнитофонную беседу с Натальей Васильевной, распечатал и вручил ему текст. А она там называет с дюжину абрамовских родственников Любимова. Удивительно! Он все имена радостно подтверждает, добавляет свои подробности (Наталья Васильевна, однако, у вас и память - позавидуешь!)

- Почему не приезжал в Абрамово, в Данилов? Собирался, да все как-то было недосуг... Вот в Ярославль меня приглашали с театром, а потом забыли, замаяли - передумали? Я ведь человек неугодный...

- Приехать в Данилов летом?.. А сколько это километров? За сколько часов на машине можно доехать? Когда там ягоды поспевают? Но не забывайте, что мне 91-й год...

- Нет, зла ни на кого не держу. А деда давно реабилитировали, вернули ему все права. Вот только самого деда не вернешь... К сожалению, жизнь без беды не бывает...

- Я с благодарностью вспоминаю деда Захара Петровича. Здоровье у меня крепкое, натура жилистая - от него, ну, и от отца, конечно, это гены, могучая мужицкая кровь. Дед научил меня не врать, научил "держаться удар"...

Юрий Петрович по моей просьбе подписывает свою книгу воспоминаний - почерк ровный, твердый, красивый: *"Даниловскому музею на добрую память. Ваш земляк Ю. Любимов. 17 апреля 2008 г."*. Происходит это в его знаменитом кабинете, на стенах которого (такова здесь традиция) - бесчисленные автографы поэтов, писателей, актеров, ученых, политиков со всего мира - почитателей этого удивительного Театра и его неутомимого Создателя.

Почему-то раньше я неизменно думал, что бунтарь и реформатор театра Юрий Любимов весьма далек от веры, от православия, и - здорово ошибался. Знаете, с чего начинаются его воспоминания о своем детстве? С крещения, с крестильной купели! А крестили его поздно, года в два.

"Я помню, - пишет Юрий Петрович, - как меня крестили. Мне кажется, что первое мое впечатление от жизни - это купель под водой: меня окунули в чашу серебряную - ух! - и я вышел. Наверно серебряную, потому что уж очень она сияла. И вода в сиянии в сильном вибрирует... И мне эта купель все время мерещится, преследует".

Но не вспомнит он, где его крестили - то ли в Ярославле, то ли в деревне, у деда. Дед Любимова - Захар Петрович, из Абрамова - был церковным старостой. Ближайшая к Абрамову церковь - тороповская, Воскресенская. Значит, - там?

Храм этот и деда вспоминал он, когда уже в Москве пошел первый раз в школу:

"Рядом со школой церковь была, которую закрыли. И помню, первое мое упрямство проявилось, когда учительница сказала:

- Дети, давайте проголосуем, что они мешают нам учиться.

Ходили в эту церковь пожилые люди, на Пасху красиво, на праздники церковные, а моя парта была у окна, и часто я с большим интересом смотрел, как идут в церковь, так как дед водил меня в церковь, я даже мальчиком прислуживал...

Учительница потребовала, чтобы мы проголосовали за закрытие церкви - дети. И там я не поднял руки, чтобы закрыть церковь.

- А ты, мальчик, почему?

- А зачем? Мне они не мешают.

- Тебя родители научили?

- Нет, никто меня не учил. Это я сам, не хочу.
- Но ты же видишь, все подняли руки.
- А я не буду поднимать.
- Иди домой, пришли маму".

Юрий Любимов мальчишкой прислуживал в Воскресенской тороповской церкви?! Краеведы, возьмите на заметку.

Ну, ладно, в детстве мы одни, а уж повзрослев, становимся совсем другими - порой с годами и вера куда-то испаряется. Но это не про Юрия Петровича. Вот его "взрослое" откровение: "Я ходил в Воздвиженскую церковь. Были какие-то годы, когда я менее соблюдал ритуалы, а в последнее время я довольно часто хожу в церковь, причащаюсь. Там, где я жил, в Сокольниках, рядом хорошая церковь Иверской Богоматери. И был праздник чудотворных икон Иверской Богоматери. И вот когда кончился праздник, очень похоже было, как на Троицу, знаете, березы вокруг, и потом остались женщины и сами пели, уже после службы, молитвы. И я вдруг увидел такие прекрасные просветленные лица, они с таким вдохновением пели, что это мне очень потом помогло, когда я делал "Бориса". (Спектакль "Борис Годунов", запрещенный в Театре на Таганке в 1982 году и восстановленный в 1988-м. - Ред.)

От имени вновь обретенных земляков-даниловцев я подарил директору и худруку "Таганки" буклет о Даниловском Казанском монастыре, столь искусно изданный матушкой Екатериной (Гаевой). Юрий Петрович был тронут и с интересом рассматривал старые снимки, особенно тот, где среди монахинь, клира и прихожан запечатлен Патриарх Тихон.

- А я и не знал, что этот великий русский праведник был в Данилове! Не знал, что служил он в даниловских храмах, - Любимов не скрывал радостного изумления. - А ныне действующий патриарх Алексей к вам приезжал?.. Как же так! Разве не долг любого иерарха побывать там, где ступала нога святителя Тихона?! Как бы довести до Святейшего эту мысль? У меня, кажется, есть знакомый влиятельный человек...

Вот что значит Любимов! Вот его потрясающие импровизации!.. Тут же я представляю, как на Горушку, в Казанский, прибывает Патриарх Московский и всея Руси, как на всех телеэкранах России появляется наш величественный, но так долго ждущий капитального обновления собор, как откуда ни возьмись объявляются доброты-спонсоры, как после посещения Патриархом многострадального "Воскресенского ДК" решаются вопросы и со строительством нового дома культуры, и с возрождением главного городского собора... Ах, мечты, мечты! Господи! Продли дни нашего мудрого земляка! Укрепи его в намерениях и силах!..

А ведь еще почти не было речи об отце и матери Юрия Петровича - всё о деде да о деде из Абрамова. Кстати, дед вскоре по прибытии в Москву и скончался. Поселили его с бабкой подальше от инспекторских глаз (лишенцы, раскулаченные!), в дачной Малаховке.

"Там дед и умер, - пишет в своей книге Любимов. - Он умирал совершенно как святой, ночью крикнул:

- Вставай, приведи священника!

Это было в Малаховке, и я бежал по этой не то дачной местности, не то деревне ночью. И отыскал священника, привел. Священник отпевал деда, свеча у деда горела, он сказал бабке свои наставления, потом мне сказал, что я должен передать Петру. Он так отца звал - Петр. И по библейски совершенно - закрыл глаза и отошел".

Между прочим, Петр - отец - он ведь тоже из Абрамова, только рано вылетел из родного гнезда. Еще до революции перебрался в Ярославль, а поскольку окончил коммерческое училище, то и служил по профилю - в торговле. В 1922 году Петр Захарович с семьей переехал в Москву. Юрий Петрович для отца красок и подробностей не жалеет:

"Папа работал в какой-то шотландской компании, которая торговала рыбой (в годы нэпа - Ред.). Рыба, кра, сельдь. Это я по разговорам только помню.

Потом у папы в Охотном ряду был магазин. С купцом Головкиным - "Головкин и Любимов". Соления: огурцы, грибы, сельдь - все мочености: яблоки моченые, арбузы, всевозможные капусты - магазин солений. Я, конечно, там бывал часто...

Я помню, что у отца были большие склады, огромные бочки-дошники, где солили капусту, и как сидели эти бабы, а мы ребяташки все туда бегали есть кочерыжки, когда капусты разгар, засаливали на всю зиму эти огромные кадки. У самого берега Москвы это было. Это был большой участок земли, наверно гектара полтора-два - там были большие склады для этого магазина и, видимо, для оптовой продажи".

Запомнилось мальчишке, что отец очень любил красивые вещи.

" Входил в комнату и говорил маме:
- Анна, парадно! Сними все чехлы с гостиной. Зажигай люстры. Поставь красивый сервиз кузнецовский.

Мама в испуге говорила:

- Кто-то придет? Ты не предупредил, Петр!

- Никто не придет, мы будем сами...

Он очень любил это. Я всегда поражался и спрашивал:

- Папа, зачем так?

Он говорил:

- Ах, ты ничего не понимаешь. Это же красиво. Жизнь одна. Надо уметь жить.

Ну, его и посадили, конечно. Барин, нельзя было терпеть.

- Ну-ка, голубчик, обгони этот трамвай! - это он на лихаче катит меня из Сандуновских бань, - порадуя мальчика моего, давай, обгони трамвай!

Тот:

- Сделаем, Петр Захарович!

И тут же эту "аннушку" обходит - трамвай носил букву "А" вместо номера.

Он своеобразный человек был, независимый, властный - после смерти деда он стал главой нашей фамилии.

Очень любил историю, от него осталась библиотека прекрасная. Там и Карамзин, и Соловьев, и Костомаров, и много других хороших книг. Отец любил их читать и приучал и нас читать".

А вот о матери и ее отце, то есть своем втором деде.

"Мама была полуцыганка, и дед был очень недоволен этим браком. Мой другой дед - по линии матери - был чистый цыган, но оседлый. Он очень любил лошадей и на выезд держал двух лошадей всегда. Просто из любви к лошадям, хотя не был богат".

Мать Юрия Петровича Анна Александровна выучилась на учительницу, преподавала в младших классах. А сложности в семье начались с окончанием нэпа.

"У папы была своя ложа в театре... Это, наверное, еще до первого ареста... 26-й год - это нэп и еще никого не брали. Когда мама сказала мне, что папу арестовали - это я помню, потому что мне стало нехорошо, и я упал в обморок. И мама очень строго сказала: "Встань! Мальчик не может так себя вести!" То есть - строгости, не то, что "Ай-яй-яй!"... Потом маму арестовали в Москве и отвезли в Рыбинск, у них такая методология была - по месту рождения, чтобы сразу оторвать от семьи. Ведь они специально это делали, чтобы дети остались... И был момент в жизни, когда вообще мы остались втроем: сестра, я и брат - взяли и мать, и тетку, и отца. У отца хотели забрать деньги - это еще был период не политический... А мать взяли, чтобы повлиять на отца, мол, "дети остались одни - раскошеливайтесь, тогда вернем мать". Отец был гордый, сильный, он ничего не говорил им, и у него не было таких денег... А система была такая: брали и увозили в свой город - она родилась в Рыбинске, я совсем мальчишкой маленьким поехал в Рыбинск ей передачу везти... Она была в тюрьме несколько месяцев, потом она вернулась".

Мальчишка запомнил, как "чекисты привели маму, и мама отдала все свои драгоценности: кольца, серьги - все отдала".

И об отце: "Я помню, отец пришел из тюрьмы очень худой, по стенке он шел, но первые слова были очень строгие:

- Зачем ты все отдала этим мерзавцам, Анна! Это же жулье, шпана.

Им было мало того, что они все это взяли, они еще ломали паркет, искали под полом золото... Но в общем они удостоверились, что таких денег, которые они требовали, у него не было. Они требовали какие-то баснословные суммы".

А вот коротко о старшем брате и младшей сестре.

"У меня была маленькая сестричка, которая умерла, а нас осталось трое - Наташа сестра и брат Давид. Его дразнили в школе... А папа с фантазиями у нас был, он говорил:

- Просто ослы твои мальчишки. Я тебя назвал в честь победы Давида над Голиафом.

Он был очень вольный человек, но, видимо, не учел антисемитизма, за что брат дорого платил (много дрался в школе). Его били как еврея".

Брат Юрия Петровича Давид стал видным полиграфистом, много и полезно работал, развивая эту отрасль.

И снова разговор наш заходит о дедовском доме на улице Урицкого в Данилове.

- Юрий Петрович, если все-таки подтвердится, что дом этот тот самый, ваш, любимовский, из Абрамова, - придется вешать на нем мемориальную доску. Что бы вы на ней написали?..

- Что бы написал?.. (с горькой усмешкой) Написал бы так: "Вот дом, из которого в 30-м году выкинули на снег моих престарелых деда и бабуку".
 - Но, может, перед этими словами вставить еще одну фразу - "Вот дом, в котором проходило счастливое детство - тут идут все ваши титулы - Ю. П. Любимова"?..
 - Что ж, нам, мальчишкам, там жилось хорошо...
 - А если вдруг, как в Прибалтике, Госдума примет закон о возвращении недвижимого имущества бывшим владельцам, у вас будут все юридические права...
 - Да что вы! Там же люди живут! На снег их никто не выселит... Да и зачем мне этот дом? Жить в городе я бы не стал. В деревню, в тишину, можно бы вернуться, но ведь вы говорите - Абрамово порушено...
 - Ну, сделали бы там, хоть в одной комнатке, музей фамилии Любимовых...
 - Это, конечно, интересно. Но ведь этим нужно заниматься! Кто возьмет на себя такой труд?..
- Кстати, факт к размышлению: избран я почетным гражданином многих городов, но только не моего родного - Ярославля.
- Можно, я начну сбор "материала" для такого музея? Ни в одном вашем интервью не нашел ответа на простой вопрос... Вы ведь когда-то закончили ФЗУ и стали электромонтером...
 - Да, было такое училище при Мосэнерго. По столбам с когтями лазил, стены шлямбуром долбил - проводку делал. Так мы в семье решили: сначала заработать рабочий стаж - отпрыска раскулаченного никуда бы не взяли, - а потом уж думать об институте или о театре.
 - Так вот у меня простой вопрос: сейчас, случись что, розетку электрическую, к примеру, заменить сможете?
 - Конечно, заменю. Без проблем...
 - Не знаю, Юрий Петрович, чем завлечь вас в наш Данилов, а хочется... У нас, например, есть свой театр. Руководит им Галина Михайловна Прошунина, по профессии рентгенолог, приехала в город с Севера. Человек незаурядный, интересный - сумела победить жуткую болезнь, сумела - вопреки всему - собрать любителей-театралов, ставит пьесы Островского, Лопе де Вега, современных авторов, и сама очень любит театр...
 - Надо же! Где-то есть еще люди, которые любят театр!.. - Юрий Петрович, довольный, смеется.

Но вернемся к началу этого рассказа. Фильм "Кубанские казаки", в котором Наталья Васильевна Малятина увидела "парня из нашей деревни", запомнился Любимову особым эпизодом на съемочной площадке. Подошла к ним *"старушка в рваном ватнике, долго стояла, смотрела, а потом спросила: "Милый, из какой жизни это сымают?" Я говорю: "Да из нашей, бабушка". Она: "Ай-яй-яй, такой молодой - и врешь". Мне было очень грустно тогда, и я внутренне решил вот такими вещами не заниматься. Вот, видимо, это и привело меня к режиссуре в конечном итоге. Что можно все-таки не врать. Мне вообще никогда не нравилось вранье"*.

Эта тема - "антивранья" - проходит у Любимова через всю жизнь. Вот строчки из очередного его интервью: "Если все-таки сказать о самом главном, то стараюсь меньше врать, а также делать все, что могу, в силу своих возможностей и отпущенного мне Господом Богом таланта". А ведь и Театр на Таганке снискал признание зрителей и ненависть властей, завоевал себе имя и место в истории тем, что не врал, а пытался говорить правду...

Разговор с Юрием Петровичем Любимовым (и его супругой Каталиной, которую он зовет - Катя, Катерина, а то и Катька) мог бы быть бесконечным. Каталина родилась в Венгрии, она - филолог, журналист, психолог. И, если скажем так: Любимов - президент Театра, то она, конечно, - вице-президент. Историю их любви опишут со временем в увлекательном романе. Когда Любимову было 62 года, Каталина родила ему сына Петю. И теперь, после обучения во многих университетах Европы, Петр Любимов - полиглот и универсал, пробует себя на разных поприщах, и, надо думать, мир еще о нем услышит.

Разговор был бы бесконечным, коснись мы с Юрием Петровичем Его Театра, а это ведь и есть Его Жизнь. О Театре на Таганке и о его создателе Любимове написаны тома - читайте! Об актерах Театра - Владимире Высоцком, Алле Демидовой, Валерии Золотухине и многих других, ставших звездами на театральном небосклоне России, существует огромная литература - изучайте! Нежданно-негаданно этот звездный отблеск планеты под названием "Любимов" упал теперь и на город Данилов. Такая судьба.

Руслан АРМЕЕВ.

ДАНИЛОВ - МОСКВА.